

Несколько месяцев тому назад исполнилось 60 лет члену редакционной коллегии, постоянному автору нашего журнала, доктору психологических наук, профессору Леониду Абрамовичу Пергаменцику. Редакция «Психології» поздравляет юбиляра с этим знаменательным событием, желает ему новых творческих успехов, научных открытий, талантливых учеников и последователей.

Анализу научного направления, созданного Л. А. Пергаменциком, посвящен публикуемый ниже фрагмент книги Александра Полонникова «Очерки истории психологии Беларуси».

КРИЗИСНАЯ ПСИХОЛОГИЯ: МИФЫ ИДЕНТИЧНОСТИ

Жизнь доктора психологических наук, профессора Леонида Абрамовича Пергаменцика могла бы быть своеобразной иллюстрацией к раздвинутой им научной и философской позиции — экзистенциализму, возьмись мы за написание героической истории. Наш рассказ в этом случае начинался бы с интриги — расписовки наречия «вопреки». Учеба в БГУ на элитном философском факультете вопреки печально известной «5 графе», интерес к понимающей психологии вопреки господству позитивизма в отечественном научном поле, ангажированность психологической практикой вопреки приверженности сообщества сугубо исследовательским нормам и ценностям.

Но мы почему не героическую историю. Наш интерес в другом. В анализе социокультурного и научного феномена, имя которому «кризисная психология». Биография ее создателя вольно или невольно превращается в инструмент исследования, по крайней мере, в один из его фактов.

Размышление о судьбе кризисной психологии мы бы хотели начать с 90-х годов, с того времени, когда после длительного периода застоя (в современной редакции «социальной стабильности») все пришло в движение, перестала быть прической собственная жизнь и в фокус публичного интереса попали предметы прежде совершенно невозможные: милосердие, сострадание, ценности приватной жизни...

Актуализируя в повествовании события тех времен, мы хотели выявить тот социальный контекст, в котором возникал беспрецедентный для нашей страны проект, созданный Леонидом Абрамовичем Пергаменциком, — «Кризисная психология». Особенность этой актуализации состоит, прежде всего, в приверженности автора текста известному феноменологическому принципу: «мир нам дан в структуре наших значений». Порядок этих значений, их конфигурация определяются тем, что лежит в основе любых и всяких культурных форм, то есть некими

прообразами, или мифами. О них мы и будем вести речь в нашем повествовании.

Начнем с самого «начала».

1. Миф «рождения»¹.

Рассказывает Леонид Абрамович Пергаменщик: «В 90-х годах москвичи и киевляне, в особенности москвичи, стали активно продвигать программы по психологической реабилитации людей, пострадавших от аварии на Чернобыльской АЭС».

«Я не знаю, у какого начальства это «пробило», но, видимо, почувствовали, что есть ниша, где можно получить какие-то бонусы. Наверное, это происходило не без влияния ЮНЕСКО, которое создавало свои психологические структуры. В программе ЮНЕСКО даже было записано, что многие современные проблемы чернобыльского человека имеют скорее не медицинский, а именно психологический характер. То есть это шло через какие-то официальные структуры, поддержанные международными структурами».

«В Москве возникло нечто вроде оргкомитета, куда чаще всего меня направляли, так как у Якова Львовича Коломинского — в то время заведующего кафедрой психологии БелНИИ и председателя научно-экспертного совета «Дети Чернобыля» — не всегда было время ехать (я работал заведующим лабораторией и ученым секретарем отделения психологии БелНИИ). От Киева в этот комитет входил Сергей Яковенко (он сейчас доктор наук), от Москвы — Александр Асмолов. Он потом стал заместителем Министра образования Российской Федерации. Необходимость оказания психологической помощи осознывалась, но вот как это делать — было не совсем ясно. И пока мы эту проблему обсуждали и проясняли, Союз развалился».

«Когда это была всесоюзная программа — это одно, там мощь Москвы. Опыт хоть какой-то. Когда своими силами — то сложнее. Но так произошло,

что Министерство образования Беларуси успело включить в Программу «Охраны материнства и детства» раздел «Социально-психологическая реабилитация детей и подростков, пострадавших от последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС». Возникло основание для создания Чернобыльского центра, и В. П. Пархоменко* предложил мне его возглавить».

Вот, собственно, и все, что нам удается «снять с поверхности» материалов интервью о возникновении программы «Кризисная психология». Попробуем представить некоторые акценты.

Итак, из рассказа Л. А. Пергаменщика мы узнали во-первых, что было несколько встреч ученых, представителей России, Беларуси и Украины, — стран, непосредственно пострадавших от чернобыльской аварии.

Во-вторых, что инициатива оказания психологической помощи населению пострадавших регионов исходила не столько от психологов-профессионалов, сколько от политиков, реагирующих на стимулы международных организаций.

В-третьих, что идея оказания помощи была формальной, скорее обозначала пространство возможных работ, чем содержала в себе сколь-нибудь определенный концептуальный потенциал.

В-четвертых, что советский проект оказания психологической помощи пострадавшему населению не состоялся.

И, наконец, в-пятых, что появление Леонида Абрамовича Пергаменщика в разделе «Социально-психологическая реабилитация детей и подростков, пострадавших от последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС» Программы «Охраны материнства и детства» было случайностью. Никаких содержательных профессиональных предпосылок к тому, чтобы начать создание кризисной психологии, изначально у профессора Пергаменщика не было и быть не могло, о чем и свидетельствует вся предшествовавшая научная биография ученого².

¹ Курсивом, кроме специально оговоренных мест, выделены используемые в статье материалы интервью, которое дал автору очерка Л. А. Пергаменщик 15.05.2006 г.

* В. П. Пархоменко — доктор педагогических наук, профессор. В начале 90-х директор Национального института образования.

² Мы говорим о деятельности Л. А. Пергаменщика в качестве заводского социолога, его переквалификацией под влиянием Я. Л. Коломинского в социальные психологи, работе научным сотрудником, заведующим лабораторией Национального института образования, его научной специализации в области социальной психологии управления в малых группах и в области изучения психологических особенностей учащихся профессионально-технических училищ.

Таков наш первый фактический сбор. То есть в вопросе о началах кризисной психологии наше исследование обнаруживает его сложный генез, не сводимый ни к личной истории, ни к диктату обстоятельств, ни к случайности, понимаемой как присутствие в системе чужеродных элементов другой системы. Акцентированное нами следует, скорее всего, описывать в терминах неопределенности условий, оснований действия, профессионального статуса, теоретической перспективы и т.д. По существу многие, если не все параметры возникшей ситуации, ее участникам — белорусским психологам — предстояло наполнить собственной конструктивной активностью, понимая при этом, что основную ответственность за происходящее несут они и что «перевести стрелки» в случае неудачи не на кого.

Автор этих строк не стремится сказанным выше обратиться к жанру героической истории. Просто для нашего анализа субъективная мотивация участников не так уж важна. Гораздо значимее то, что начало проекта кризисной психологии не поддается выведению из одного или нескольких существенных оснований. Оно лежит в анонимной плоскости, представляет собой своеобразный эмерджентный эффект, порожденный взаимодействием обстоятельств самой черной быльской катастрофы, политической необходимостью отечественного реагирования на стимулы европейски стимулируемых мотивациями влиятельных лиц, заинтересованных в государственных и международных субсидиях такого рода мегапроектов. Не последнюю роль в генезе нового для нашей страны научного практического направления сыграла и инерция осуществленных московской инициативной группой начинаний, и уже принятые людьми моральные обязательства, и дифференциация отечественной психологии, принужденной по причине распада единого научного поля, искать новые легитимные смыслы, способные оправдать существование ее практических версий, и, нако-

нец, конструктивная деятельность белорусских психологов, пытавшихся обнаружить себя в этой новой жизненности, причем вынужденных делать это рискованно образом, экспериментально («методом тыка»), развивая и концептуализируя свои действия по мере и в ходе самоосуществления. Применительно к таким реалиям всегда сложно однозначно сказать: люди так выстроили ситуацию? Ситуация так выстроила людей? Разумеется, сами участники по обыкновению склонны к интернализации ответственности, особенно при успешном развитии событий.

2. Миф «природный»

В своем рассказе профессор Пергаменщик, обосновывая проект кризисной психологии, отсылался к тому, что *многие современные проблемы человека имеют не медицинский, а именно психологический характер*. Приблизим и к этому высказыванию окуляр нашего микроскопа. Зададим одним непростым вопросом: откуда это утверждение черпает ресурс своей легитимности? Сам автор высказывания ссылается на международные документы, которые обсуждались на заседаниях московской группы. Из этого мы можем заключить, что психологический статус последствиям аварии на Чернобыльской АЭС был определен извне. В то время как движения изнутри, от самих пострадавших, как свидетельствует Леонид Абрамович, не было. «Я не уверен, — говорит он, — что у населения был сформулирован запрос на психологическую помощь, да и понимания, что это такое, тоже не было».

Это значит, что психологическую редакцию последствиям аварии еще предстояло сформировать и утвердить в общественном сознании Беларуси. Причем, учитывая особенности современных механизмов формирования коллективных представлений, решать эту задачу должны были не столько сами кризисные психологи, сколько их смежники³. Без этой

* Речь идет о психологической природе постчернобыльских проблем.

³ Как пишет по близкому поводу Никлас Луман: «В первую очередь, массмедиа выпущены порождать известность (Bekanntsein) и время от времени так разнообразить ее, чтобы в присоединяющейся коммуникации можно было рискнуть спровоцировать принятие или отклонение». См. раб. Н. Лумана Реальность массмедиа / пер. с нем. А.Ю. Антоновского. — М.: Праксис, 2005. — С. 157.

работы становление научной программы «Кризисная психология», ее полноценная социальная легитимация просто не мыслимы. Понятно также и то, что группа Л. А. Пергаменщика как могла занималась этой многогранной и принципиально новационной работой, делала ее, скорее всего, в ущерб своим основным обязанностям, параллельно с конкретно-психологическими опытами оказания реальной помощи населению, пострадавшему от аварии на Чернобыльской АЭС, делала ее, к сожалению, без необходимого политического сопровождения и финансового обеспечения. Как у нас любят говорить: «на энтузиазме», а по сути за счет эксплуатации энергии работников.

В той мере, в какой эта конструктивная социальная работа осуществлялась, у кризисных психологов появлялся шанс на позитивную социальную оценку сделанного ими. Сказанное не значит, что какие-то представления психологии отсутствовали вообще в нашем регионе, но вопрос, что и как распознавалось белорусским социумом в качестве психологической работы, поскольку нам не известны подобные исследования, мы оставляем открытым. В то же время здравый смысл и обыденные наблюдения подсказывают, что и вполне успешного функционирования, по существующим в мире меркам, системы кризисной психологии недостаточно для полноценной социализации и признания этой практики в наших широтах. Даже школьные учителя, а иногда и руководители образования, используют такие оригинальные системы распознавания психологии, что в них непротиворечиво сосуществуют, например, парапсихология и научная психология, а биоэнергетика рассматривается главным образом как экстрасенсорное явление. В этой связи понятно также и то, что расчет на прозрачность и поддержку политических структур общества, которые являются собой по преимуществу инстанции консолидации и выражения массового общественного мнения, в этой ситуации вряд ли имеет смысл. Но в жизни, как известно, не без исключений.

«В Госкомчернобыле, — вспоминает Леонид Абрамович, — был такой Ралевич Игорь Викторович — заместитель министра, который нас поддерживал. Но ви-

димо этого было недостаточно. Нужна была какая-то работа на государственном уровне. А здесь мои возможности ограничены. Я могу саму работу организовать. Но ходить по кабинетам министерств, заниматься лоббированием программ, создавать необходимые для их осуществления связи и прочее — этим я не могу и не умею заниматься. Это должен кто-то специально делать. Без этой функции все постепенно ушло. Хотя жалко, конечно».

Однако продолжим нашу реконструктивную работу. Мы уже отмечали выше, что политические указания ученым на необходимость психологической помощи населению носили рамочный, формальный характер. Это были своего рода ценностные заповеди, пустографы, нуждавшиеся в специальном содержательном наполнении. Содержательность здесь двоякая: с одной стороны, нужны были психологические идеи, способные придавать форму специфически чернобыльским проблемам людей, причем идеи, адаптированные к особенностям белорусского социального восприятия (неудача, постигая З.Фрейда в США, во многом объяснима феноменом дезадаптации психоанализа в семиотическом пространстве американского общества), а с другой — необходимо было наработать практические схемы помощи, призванные обеспечить преобразование проблемных ситуаций в позитивные жизненные стратегии и самоотношения.

Острое ощущение возникшей символической дефицитарности удачно передает в своем рассказе профессор Пергаменщик: *«Вот появились деньги, но все делали то, что и раньше умели делать... И никто не мог сказать, что это не надо делать, так как никто, и я в том числе, не знал что надо...».*

Таким образом, работу по концептуализации практики психологической помощи пострадавшим от катастрофы следовало оперативно налаживать: *«...в то время вопрос не стоял так: подождать, пока все образуются. Надо было делать, хоть что-нибудь, но делать»*, — вспоминает Леонид Абрамович. И делать предстояло, как говорят военные, «перестраиваясь на марше», обучаясь и соединяя в процессе реальной работы практические

схемы и формы понимания, конкретизируя их в неожиданных жизненных обстоятельствах. Вот некоторые штрихи той работы:

«Мы начали семинары «Неманские вечера», где в течение двух-трех дней осваивали способы работы с пострадавшими... Так сформировались некоторые направления психологической работы, которые и сегодня развиваются в республике...».

«По мере накопления знаний, опыта мы стали организовывать и проводить свои конференции под названием «Социально-психологическая реабилитация населения, пострадавшего от экологических и техногенных катастроф». Девять лет подряд нам удавалось проводить уникальные, на мой взгляд, встречи специалистов разных профилей и разных уровней по проблеме реабилитации».

«В это же время мы запустили работу Центров психологической помощи. Их было в разное время от 13 до 15 — в Могилевской, Гомельской областях. Мы добились для этих центров финансирования, пусть небольшого, отдельных помещений...».

«Потом мы стали проводить Балинтовские встречи. В Центре на улице Чайковского собирали психологов региональных центров, организовывали обмен опытом и обучение. Издавали методическую литературу... Подбирали интересные публикации, переводы и тиражировали их для участников реабилитационной работы. Делали ксерокопы и раздавали».

И неожиданная проверка на прочность:

«Однажды утром, — рассказывает Леонид Абрамович, — меня разбудил звонок из Москвы: «У вас там, на Немиге, катастрофа случилась. Если нужна помощь, я приеду». То есть о трагедии в Минске я от москвича услышал. И когда я приехал к себе в Центр на Чайковского, то оказалось, что за те полтора часа, что я добирался до работы, к нам позвонил человек 30 наших коллег с предложением помощи. А к концу дня я мог без особых затруднений собрать для психологической работы более 40 человек».

Вскоре мы обратились в горисполком. Там долго не могли понять, чего народ, собственно, хочет. От одного кабинета

посылали к другому. Я пытался объяснить: «Ну не можем же мы начинать работу по оказанию помощи, если у нас нет официального разрешения». Потом какой-то начальник сказал: «Так работайте, никто вас не тронет». И мы начали работу».

В архиве нам удалось обнаружить одно из немногих внешних свидетельств тех лет:

«...На трагедию 30 мая белорусские психологи отреагировали оперативно. Уже на следующий день волонтерские группы работали в клиниках, где находились пострадавшие, в палатах, реанимационных отделениях. Выезжали на дом...»

...группа психологической поддержки участников минской «Бодынки» трудится в условиях постоянной мастерской, в слишком малом помещении с ограниченным количеством комнат, телефонов (без автоответки!). Трудится и ни на что не жалуется — психологи рады, что им хотя бы удается работать. В выходные дни служба проводит реабилитацию самих психологов⁴.

Вот и прокомментируем данное свидетельство.

Трагедия на Немиге, как нам представляется, — проверка на прочность многолетней созидательной работы Леонида Абрамовича Пергаменчика и его группы, ее публичная социальная экспертиза. Что же она выявила?

Во-первых, она зафиксировала наличие в Беларуси профессиональной инфраструктуры — неформального сообщества психологов-практиков, способных к оперативному реагированию на обстоятельства чрезвычайного характера. Ведь 40 человек — это люди только из минского состава!

Во-вторых, она показала, что это сообщество обладает не только достаточной для работы в кризисных ситуациях подготовкой, но и необходимой мобильностью, структурой оперативного управления, системой самореабилитации.

В-третьих, она обнаружила, что сообщество кризисных психологов нашей страны имеет (в той или иной степени оформленности) всю необходимую структуру собственного воспроизводства и развития: систему подготовки и переподго-

⁴ Полежаева, М. Психическая травма. — «ЛиФ» в Белоруссии. — 23.06.1999 г. — № 25.

товки кадров, концептуальное обеспечение, устойчивые информационные связи как внутри Беларуси, так и с аналогичными профессиональными структурами стран ближнего и дальнего зарубежья.

Но это, так сказать, позитив.

А что же на противоположном полюсе?

Неготовность официальных структур апеллировать к ресурсу практической психологии, отсутствие правовых, экономических и управленческих механизмов ассимиляции практик психологической помощи в структуры совокупного социального действия. (В противном случае кризисные психологи не слонялись бы по государственным кабинетам в поисках юридических санкций для своей работы, не ютились в непригодных для психологических услуг помещениях, не эксплуатировали бесконечно свой энтузиазм и, наконец, были бы публично отмечены и соответственно оценены.) В определенном смысле уполномоченные государства восприняли деятельность кризисных психологов как обременяющую и избыточную, как ту, без которой в принципе можно обойтись.

3. Миф «души».

В этом фрагменте мы хотим направить острие нашего анализа в сторону культурного поля Беларуси и попытаться вычленив те ситуационные переменные, которые обусловили специфическую реакцию белорусского общества и профессионального сообщества на программу кризисной психологии. Здесь нам придется хотя бы в общих чертах обозначить ту научную традицию, в которой идентифицирует себя профессор Пергаменчик, и рассмотреть ее чертенок в связи с общепринятыми на тот момент социальными и профессиональными ожиданиями.

В материалах нашего интервью встречаются короткие замечания по поводу предмета содержательного интереса Леонида Абрамовича. Из них мы узнаем о мимолетной юношеской увлеченности экзистенциализмом: «Еще студентом я хотел написать дипломную работу по Сартру. Но мне сказали: какой Сартр!? какое «бытие» и «свобода»? Эту филосо-

фию, впрочем, как и русскую, можно было анализировать только критически. А ведь когда читаешь и начинаешь понимать (конечно, может только кажется, что начинаешь понимать) смысл бытия, то верить в это очень хочется. Поэтому кризисная психология — это психология познания, понимания, с психология веры в человека, принятие того человека таким, как он есть, без всяких попыток его подвести к какой-то форме, образу».

Еще мы можем установить, что университетский курс сформировал у нашего героя устойчивую привязанность к той форме психологического знания, которая там преподавалась: «У нас на философском факультете БГУ психологию преподавала Елена Павловна Ересь — человек замечательный во многом уникальный, преданный психологии, но мне эта психология не нравилась. Мне было неинтересно учиться. Головной мозг, извилины... Это можно было запомнить, а я не мог понять, зачем мне эти знания».

Но мы знаем также и то, что с опытом чтения Леонида Абрамовича случалось и иное: «В библиотеке, правда, был один учебник, который можно было читать, — «Общая психология» Сергея Леонидовича Рубинштейна, и мы его иногда читали. Вот он запомнился».

И так произошло, что в ситуации, когда остро не хватало категорий понимания чрезвычайных человеческих обстоятельств, именно книги Рубинштейна выступили креативным посредником для первых кризисных концептуализаций, совершенных профессором Пергаменчиком: «На кризисную психологию меня натолкнул Рубинштейн. То, что когда-то прочтешь, как-то откладывается. В его учебнике, хотя я не могу эту книжку учебником назвать, это не учебник, это просто книга, у него есть там параграф «Самосознание личности и ее жизненный путь»⁵. Такой небольшой параграф, но, как мне кажется, ключевой. Он четок. Сказывается немецкое образование. И там оказались важные для меня слова: жизненный путь и событие. И эти слова, оказалось, сгенерировали кризисную психологию».

⁵ Речь идет о главе XIX из работы С.Л. Рубинштейна «Основы общей психологии», первое издание которой было осуществлено в 1946 г.

И далее мое философское образование мне и мешало, и помогало. Все проблемы хотелось рассматривать с более общих позиций и главное — более цельно, в целом».

В редакции Леонида Абрамовича созданная им кризисная психология, как уже отмечалось выше, тяготеет к тому, что принято называть «экзистенциальной психологией». Правомерность такой идентификации подтверждает, прежде всего, корпус соответствующих текстов, посредством которых ученый описывает онтологические основания своего метода⁶. Для нашего исследования важно установить не то, насколько коррелирует разрабатываемая профессором Пергаменщиком теория кризисной психологии с европейской экзистенциальной традицией, тем более, что и сама эта традиция неоднородна, а установить функционирующие в текстах ученого имманентные кризисной психологии конститутивы и регулятивы, для того чтобы создать с их помощью необходимый рельеф в психологическом и культурном пространстве Беларуси.

Из работ профессора Пергаменщика мы узнаем, что для него исходным мотивом теоретического строительства выступил кризис психологии, смысл которого — в потере целостного субъекта, фрагментация предмета психологии как «взрыва души». Разговор о психологической науке возникает в размышлении ученого не сам по себе, а в связи с антропологическим кризисом, суть которого в утрате целостности и самости человека. А «ощущение «целого» есть особая внутренняя установка, потеря которой освящается звоном колокола»⁷. Разщепление внутреннего мира человека научной психологией, редукция многообразия индивидуальности к какой-либо части, фетишизация этой части образуют потенциал теоретической неувлеченности Леонида Абрамовича и обращают его к одному из самых силь-

ных антропологических проектов современности. «Известно, — пишет он, — что бихевиоризм изучает поведение, психоанализ — инстинкты, психология сознания — сознание, и только экзистенциальная психология предметом своего исследования берет целостную личность»⁸.

С этой точки зрения, потенциал экзистенциальной психологии обуславливает ее релевантность ситуации антропологического вызова, а значит, придает ей необходимую валентность при выборе кризисными психологами своей научной платформы.

Таким образом, кризисную психологию можно рассматривать не просто как заявку на психологическую специализацию, а как утверждение в нашей стране нового направления психологического мышления и деятельности, нуждающегося в аутентичном пространстве существования в идеале новой редакции всей психологии и истории. Масштаб притязаний этого направления хорошо определим из, казалось бы, незначительного, на первый взгляд, факта: особенностей предметной тематизации. Если бытующие, причем не только в Беларуси, варианты практической психологии появлялись на сцене, главным образом, «по вызову», когда психологические проблемы проявляли себя в виде той или иной психопатологии, то экзистенциальная психология, провозгласив антропологический кризис (в концепции Л. А. Пергаменщика «катастрофу») получила *carte blanche** на превентивные действия, поскольку объектом ее заботы стала сама жизнь⁹.

Последнее, разумеется, не случайно, считает профессор Пергаменщик, а обусловлено беспрецедентной потерей современным человеком базовых ориентаций, его неспособностью принять решение в ситуации неопределенности, выстроить такую непротиворечивую последовательность в мышлении, которая бы «не требо-

⁶ Пергаменщик, Л. А. Онтологические, методологические и психотерапевтические основания становления кризисной психологии / История психологии Беларуси: Хрестоматия / Авт.-сост. Л. А. Кандыбович, Я. Л. Коломинский. — Мн. : Тессей, 2004. — С. 101—113.

⁷ Пергаменщик, Л. А. Введение в кризисную психологию: курс лекций / Л. А. Пергаменщик. — Мн. : БГПУ им. М. Танка, 2005. — С. 28.

⁸ Там же. — С. 33.

* *Carte blanche* (fr.) — открытый лист.

⁹ Пергаменщик, Л. А. Психолог в поисках смысла травматического события / в кн. Теоретические и прикладные аспекты кризисной психологии: сб. науч. тр. / отв. ред. Л. А. Пергаменщик. — Мн. : НИО, 2001. — С. 35.

вала для каждого случая разнородных гипотез или их смены»¹⁰. С этой точки зрения, кризисная психология может быть рассмотрена как «практика снятия неопределенности»¹¹.

Забегая вперед, отметим, что такого рода притязания не могли не породить конфликтного отношения внутри поля позитивистски ориентированной научной психологи Беларуси, поскольку требовали переопределения принятых к тому времени правил игры, перезаключения действующих конвенций и переустановления сложившихся в мире отечественной науки связей. В этих условиях типичное развитие конфликтной ситуации ведет либо к открытому инциденту, силовому противостоянию и в перспективе редемаркации границ научного поля, либо, что чаще всего, к мимикрии становящейся традиции, подстраивании ее под публично действующие правила с неминуемыми в этом случае нормативными компромиссами. Экспертиза научных исследований кризисных психологов в нашей стране должна, безусловно, учитывать эти ситуационные обстоятельства и не спешить атрибутировать возможные методологические противоречия к когнитивной недостаточности ученых данного направления.

4. Миф «порядка».

Однако от проблем взаимодействия программ обратимся еще раз к собственно программе кризисной психологии. Из текстов работ Л. А. Пергаменника мы попытаемся извлечь их прагматическую, действенную составляющую, вынося «за скобки» вопросы обоснования и авторской интерпретации, которые традиционно понимаются как теоретические. В нашем анализе даже так называемым теоретическим вопросам будет придаваться практический смысл, связанный с организацией регуляции психологического действия.

Для этого нам важно выбрать то, что составляет акторное ядро кризисной психологии, то, в чем с максимальной полно-

той обнаруживает себя ставка, сделанная кризисным психологом в психотерапевтической игре. Как нам представляется, таким может быть момент непосредственного психологического взаимодействия, коммуникации психолога и его подопечного. В нашей реконструкции он выглядит так:

«Взращивание мужества — это вопрос, — пишет Леонид Абрамович, — стратегическая цель работы кризисного психолога. ... Не столько снятие симптомов, что может быть, а может не быть критерием эффективности, а осознание, что надо принять события, сосуществовать с ними, выстроить новые связи взамен утраченных. ... Выстраивание своего пути является главным сигналом того, что проделанная работа, связанная с проработкой фактов, мыслей, чувств, симптомов, возникших в связи с событиями, прошла успешно»¹².

То, что в первую очередь перед психологом стоит задача оказания помощи своему подопечному в переосмыслении события, повлекшего его психологическое неблагополучие. Однако это не любое и всякое переосмысление, а установление такого порядка значений, который бы позволил оказавшемуся в сложном положении человеку стать автором своей жизни, ответственным за настоящее и будущее.

Актуальное взаимодействие психолога и его партнера представляет собой своеобразный переход участников взаимодействия от психотравмирующего события к событию реабилитирующему. Само же «событие» используется ученым как минимум в двух смыслах: в виде реальности, которая выделена индивидом из «окружающей его действительности, пережитая им, отмечена и зафиксирована в соответствующих когнициях самосознания»¹³, т.е. дана в структурах субъективных значений, и в интерсубъективной форме, ведущий признак которой «совместное пребывание в месте и в одно и то же время»¹⁴. Это означает, что событие

¹⁰ Пергаменник, Л. А. Введение в кризисную психологию: курс лекций. — С. 30.

¹¹ Асмолов, А. Г. От практической психологии к развивающему образованию // Детский практический психолог, 1996. № 1—2. — С. 9.

¹² Пергаменник, Л. А. Онтологические, методологические и психотерапевтические основания становления кризисной психологии. — С. 112.

¹³ Пергаменник, Л. А. Психолог в поисках смысла травматического события. — С. 36.

¹⁴ Там же.

как таковое необходимо включает в свою структуру другого в качестве своего важнейшего конститутива. Если мыслить последовательно, то в нашем случае события ни первого порядка (психотравмирующего), ни второго (психореабилитирующего) без участия психолога нет и быть не может.

Учитывая приведенные нами соображения об отсутствии социального заказа на оказание психологической помощи, кризисному психологу необходимо, прежде всего, сформировать у своего собеседника проблемную трактовку события, выстроив соответствующим образом ситуацию переговоров со своим партнером, а затем трансформировать полученное понимание в ту форму продуктивного отношения, которая способна по прошествии некоторого времени автономно развиваться. При этом другой (в данном случае психолог) присутствует в событии не как безучастный агент или место проекции психического материала своего партнера, а в качестве активного посредника, движимого идеологией превентивности¹⁵. Методом событийной трансформации или перехода от психотравмирующей редакции ситуации к ее реабилитационной версии выступает специфическим образом организованный разговор участников события, заключающийся на языке психолога в спрашивании, активном понимании, в поиске внутри самой ситуации «средств овладения партнером своим собственным поведением»¹⁶.

Разговор, который ведет психолог со своим партнером, является, по сути, интерпретативным процессом, в ходе которого осуществляется стратегически необходимая смысловая реорганизация. При этом реинтерпретации подлежат как невыраженное переживание, состояния,

аффекты, так и рационализированные в той или иной степени (застывшие в прошлом) психические реалии. «Задача психотерапевта, — пишет Л. А. Пергаменщик, — уловить некий общий паттерн, смысловой рисунок в случайных, трагических событиях жизни. Когда трагедии и страдания сегодняшнего дня растворяют все остальные смыслы, возможно, такти находят смысл в своей жизни, заняв определенную позицию по отношению к своей судьбе. Переживание есть особого рода душевная духовная работа, которую выполняет человек, преодолевая кризисную ситуацию. Это есть прохождение через мифическую смерть в направлении «второго рождения»¹⁷.

Произведенная нами реконструкция подтверждает родичность программы кризисной психологии, разрабатываемой профессором Пергаменщиком и его последователями, тем редакциям практической психологии, которые обрели легитимность в европейском регионе благодаря, прежде всего, психоанализу и последовшим за ним экзистенциально-феноменологическим версиям психологической практики. При всей их разности общей для всего этого направления выступает рациональная психотехника, конституирующая психологическое взаимодействие¹⁸. Наиболее показательна в этом отношении применяемая в кризисной психологии практика дебрифинга¹⁹, диагностики и коррекции опыта осмысления и переосмысления индивидом (руководимым психологом) жизненной ситуации, которая в своей полноте может быть понята как управляемая рефлексия.

С этой точки зрения, практический проект Л. А. Пергаменщика представляет собой одно из подмножеств множества логоцентристских культурных практик,

¹⁵ Пергаменщик, Л. А. Онтологические, методологические и психотерапевтические основания становления кризисной психологии. — С. 111.

¹⁶ Пергаменщик, Л. А. Угрожающие ситуации как воспринимаемые феномены / Л. С. Выготский и современность. Тезисы Международного конгресса, посвященного 100-летию со дня рождения ученого: в 2 т. — Т. 1. — Мн.: БГПУ им. М. Танка, 1996. — С. 102.

¹⁷ Пергаменщик, Л. А. Психолог в поисках смысла травматического события. — С. 33.

¹⁸ «Так психотехническая схема осознания говорит: по мере самоосознавания себя индивидом будет происходить его развитие, она указывает на необходимость осознания и определяет его условия и возможности». См. Олешкевич, В. И. Рождение новой психотехнической культуры. Очерки развития европейской психотехники. Психотехнический подход к психоанализу и психотерапии. Психотехнические циклы. — М.: Экос, 1997. — С. 17.

¹⁹ Пергаменщик, Л. А. Кризисная психология: учебно-методическое пособие для студентов вечерней и заочной форм обучения. — Мн.: БГПУ им. М. Танка. — С. 49—50.

исходящих в своем функционировании из презумпции «не избытка», а «недостатка разума»²⁰ и стремящихся утвердить в мире автономного, способного к господству над самим собой индивида, опосредующего свои отношения с миром аутокоммуникацией проектно-ориентированного типа.

Средоточием усилий кризисного психолога в программе Л. А. Пергаменника, как мы отметили выше, выступает событие. Идентификация и реинтерпретация этого опыта — альфа и омега практики кризисной психологии. «Если вы будете различать, — пишет профессор Пергаменник, — когда вы напуганы, а когда сердиты или печальны, то сможете управлять своими чувствами, не подавляя их и не приписывая им неправильных значений»²¹. В апелляции к опыту индивида при осуществлении психотерапевтической работы нет ничего экстраординарного. Различия антропопрактик обнаруживают себя в том, как этот опыт используется в актах профессиональной коммуникации. Он может игнорироваться, видоизменяться, провоцироваться.

Психотехническое действие кризисного психолога укоренено в опыте партнера, его семантике и семиотике. Кризисный психолог — внутренний оператор, мобилизующий воображение индивида на реорганизацию структур сознания путем перекомбинирования сохранившихся в нем связей и элементов работы с «материалом заказчика», бережное с ним обращение, «сохранение индивидуального, субъективного»²² — в реалии, вокруг которых вращается этический космос кризисного психолога. Однако такая постановка имеет в процессе своей реализации одно серьезное ограничение — замкнутость гра-

ницами используемого опыта, зависимостью будущего от прошлого. Да, кризисная психология обращена в будущее²³, но стоит она в прошлом, в том событии, которое еще предстоит пережить. В этом случае кризисный психолог связан обязательствами сохранения непрерывности и преемственности идентичности своего клиента, а в семиотическом плане — приверженности репрезентативистским практикам, рассматривающим язык как выражение некоторой внутренней сущности, тех субъективных опор, с помощью которых будет возникать новая реабилитирующая индивида конструкция.

В целом, обращение кризисной психологии к ресурсам европейского экзистенциализма означает не только ассимиляцию одной из культурных ценностей христианской концепции мира, но и возвращение на светской основе к практике индивидуализации, поскольку, например, феномен страдания не может быть коллективным явлением. Перед ним, как и перед ликом смерти, человек всегда один. В ценностном переопределении одиночества, в превращении его в «сильный проект» может быть увиден важный вклад кризисной психологии в ресурс средств поддержки человека в стремительно атомизирующемся секуляризованном мире. В то же время следует понимать, что рассчитывать на широкое социальное признание практики индивидуализации в обществе, где культивировались и культивируются конформистские ценности, вряд ли приходится. В этом, на наш взгляд, кроется одна из причин настороженного отношения белорусского социума и профессиональной психологической страты к движению кризисной психологии в нашей стране.

²⁰ Хабермас, Ю. Философский дискурс о модерне / пер. с нем. — М. : Издательство «Весь Мир», 2003. — С. 321.

²¹ Пергаменник, Л. А. Список Робинзона. — Мн. : Ильин В. П., 1996. — С. 9.

²² Пергаменник, Л. А. Онтологические, методологические и психотерапевтические основания становления кризисной психологии. — С. 109.

²³ Пергаменник, Л. А. Психолог в поисках смысла травматического события. — С. 36.